Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эрих Мюзам
Свобода как общественный принцип
1930

Сохранено 3 июля 2014 года из
http://piter.anarhist.org/muehsam05.htm
Die Freiheit als gesellschaftliches Prinzip; выступление на франкфуртском радио 07.11.1929; опубликовано в Fanal, №12, 1930

ru.theanarchistlibrary.org

Свобода как общественный принцип

Эрих Мюзам

1930

История человечества, с её войнами и революциями, с её стремлениями к изменению, улучшению, устранению или сохранению условий и организаций, конфликтами и схватками, движется при постоянно меняющихся требованиях, тем не менее, под одно и то же музыкальное сопровождение. Во все времена, у всех народов, где стояло и стоит мнение против мнения, решение против решения, как защитники старого, так и пионеры нового рекомендуют себя, как разбирающихся в свободе. Нет такого движения, никогда не было и не может быть, которое могло бы успешно агитировать последователей, если его штандарты не клянутся в жажде свободы. Там, где стремятся к целям, которые выходят за материальную полезность или только кажется, что выходят, последователей можно приобрести только нравственными намерениями; а до нравственного понятия, которому принадлежат или подчиняются все прочие нравственные ценности, и которое охватывает высокие духовные качества человеческого

общества, такие как честь, слава, культура, счастливое объединение, в естественном представлении всех масс, пригодных быть последователями, самыми различными и соперничающими партиями и союзами превозносится свобода. Ибо слово «свобода» в языковом ощущении людей является единственным, что объединяет в себе качества индивидуальной добродетели с качествами общественного идеала.

То, что, очевидно, каждый человек ощущает свободу как общественный идеал, доказывает то, что стремление к индивидуальной свободе укоренено в самой человеческой природе. С этим стремлением к персональному повышению качества жизни должна считаться всякая агитация, обещающая в эффекте общее повышение коллективного чувства. И так как у примитивных людей и у цивилизованных стремление к облагороженной общественности ощущается подобно стремлению к увеличенной свободе при взаимосвязанности всех, практически всякая общественная борьба за умы людей разыгрывается как соревнование точек зрения, политических и экономических убеждений и социальных мыслей, [пытающихся] показать свою свободолюбивость, как лучшую, и умалить чужой и вражеский принцип, как антиосвободительный. Была бы свобода в речевом сознании людей ясно распознаваемым и в своём значении единодушно понимаемым понятием, тогда не было бы нужды в соперничающих расхваливаниях общественных программ с точки зрения свободы, тогда было бы просто выбрать из предлагаемых систем ту, которая бы сильнее всех приближалась к позитивному требованию или даже совпадала бы с ним.

К сожалению, у большинства людей слово «свобода» связывается с довольно размытым ощущением, так что из общественного понятия, происходящего из сильнейшего этического влечения человека, смогла

Общество свободы есть организм, т.е. единое и посему гармонично функционирующее существо; это отличает его от государства и всякой центральной власти, где механизм пытается заместить функции органичной жизни, и где вещи общества не управляются совместно, но люди принудительно требуют от других людей придерживаться наложенных на них обязанностей. Здесь было бы достаточно противопоставить друг другу эти две возможности человеческого сосуществования. Система правления сверху вниз, система централизации сил победила во всём мире, и до сих пор, едва ли значительно потеснённая, сохраняется. Система федерации снизу вверх, объединений, товарищества и свободы, эта система порядка посредством союзов добровольности, должна доказывать свою применимость в действительном мире из сумрачного до-временья человеческой истории и из ежедневных примеров окружающего нас животного мира. Кто верит в будущее свободы, тот не даст сопротивлению грубого, практичного настоящего украсть у себя эту веру.

О средствах, какими люди могут достигнуть состояния свободы, здесь говориться не должно, тем более что в различных движениях, направленных на одну и ту же цель, нет совершенно никакого единства мнений, и Бакунин, например, хотел идти совершенно другим путём, чем, к примеру, Толстой. Кто предан свободе и безоглядно воспринял идею, что человек будет свободен, если таково общество, а общество свободы может быть создано только внутренне свободными людьми, тот начнёт дело освобождения с себя и в своём ближайшем окружении. Он не будет ничьим слугой и будет знать, что только тот, кто не слуга, так же не хочет быть ничьим хозяином. Тот человек свободен, кто всем остальным людям предоставляет свободу, и то общество будет свободным, которое объединит товарищески равных в свободе.

Подобная трактовка не противоречит, а подтверждает жизненный идеал Гёте: высшее счастье детей Земли – это их личность! Ибо личность никак не может развиваться в отрыве от общественного целого. Да, личность и общество могут, с любой освободительной точки зрения, быть поняты только как завершённое единство. Общество, основанное на товариществе равноправных людей, есть организм, в котором живут все элементы личности, включая даже индивидуальную чувственную жизнь, в то время как каждый человек, живущий в естественных, т.е. свободных, условиях, чувствует себя не только звеном в цепи, колёсиком в гигантском аппарате общественных событий, но и вполне идентичным с целым, которое является для него такой же реальностью, как и его собственное телесное и духовное бытие. Человек и общество не могут находиться в противоречии при свободных жизненных условиях, они суть равноценные, дополняющие друг друга формы выражения одного и того же обстоятельства.

Посему — представим себе реальность свободного общества — свобода одного не ограничивается свободой всех, как это постулируют чистые индивидуалисты; более того, действительная общественная свобода не может вынуждать к ограничиванию свободы человека, т.к. свобода личности не могла бы состояться там, где она хотела бы действовать наперекор общей свободе. Собственно произвол, который сам присваивает себе права, не укоренённые в общественном единстве, не имеет к свободе ни малейшего отношения; он – деспотия, предполагающая несвободу, и таким образом сам зависим от готовности других подчиняться начальству и приказной власти, и установил бы противоречия между человеком и обществом, которых природа не создавала, и которые шли бы в разрез с принципом свободы.

развиться самая поверхностная из всех общественных фраз. За многие тысячелетия обозримой человеческой истории не было тирании, угнетения и изнасилования рабочей силы и воли, которые бы не воспользовались жаждой свободы своих жертв, чтобы прийти к власти. Собственно раб почти никогда не представляет себе свободы, но страдает от непосредственно переживаемой несвободы, и по сему легко даёт себя уговорить взвалить на него новое рабство, как только новый хозяин делает правдоподобные обещания, что освободит его из старого рабства. Безуспешность всей, ведшейся до сегодняшнего дня, борьбы за общественную свободу имеет своей причиной то, что она никогда не велась за достижение истинно свободной жизни, за позитивно пронизанные свободой социальные условия, но брала за точку отсчёта невыносимость настоящего и ограничивала свои цели до исключительно негативного освобождения от этой невыносимости.

Обещание «мы освободим вас, народ, государство, общество, человечество!» и требование «освободите себя, народ, государство, общество!» имеют к свободе отношение лишь поскольку эти лозунги признают её отсутствие и считают это злом. Что этому противопоставляется, ограничивается почти во всех случаях до красочного описания условий, возникающих в отсутствие явлений, чьё уничтожение и должно быть смыслом освобождения. Напротив, хранители подвергающихся нападкам органов, условий или обычаев отвечают на воззвание к освобождению от них доказательствами, что всё, что должно их заместить, противоречит духу свободы; и как одни, так и другие делают представление о несвободе того, с чем борются, средством убеждения, что желаемые или защищаемые ими ценности, якобы, отвечают духу свободы. Остается лишь исследовать, можно ли вообще понятие свободы как общественного

принципа обобщить в позитивной формулировке и на что должна быть похожа организация общества, которое хотело бы сделать свободу жизненно важным содержанием человеческой солидарности.

Конечно, здесь не может идти речь о философской трактовке понятия свободы, как этим занимается Шопенгауэр в своих двух главных проблемах этики. Но и нельзя отказаться от рассмотрения общественной проблемы свободы, как проблемы этики. Но только потому подчёркивать необходимость подобного рассмотрения с этической точки зрения не является излишним, что, к сожалению, заниматься общественными вопросами, как вопросами, прежде всего, моральной природы, далеко не везде считается само собой разумеющимся. Возросшая общественная свобода поможет установить главенство этики для всех дискуссий, касающихся отношений людей друг с другом. Но этим уже сказано, что общественно рассматриваемое понятие свободы ни в коем случае не может быть понимаемо как политическая ценность. Хотя существующая или отсутствующая свобода проявляются в значительной степени политически, собственно в том смысле, что всякое господство, и экономической силы тоже, должно быть политически организовано, чтобы сохраниться. Но политика касается меняющихся учреждений и по желанию формирующихся связей слишком поверхностно, чтобы её методами можно было воплотить вечный принцип человеческого взаимопонимания.

Вот вопрос, который надо решить: человек стремится к исполнению своих личных возможностей. Он хочет развивать и применять свой оригинальный, отличный от других людей, характер, со всеми заключёнными в нём способностями, склонностями, силами, предрасположенностями к труду и удовольствиям, свободно от накладываемого принуждения. Эта независимость, включающая в се-

но анархия, которую Густав Ландауэр описывает как порядок посредством добровольных связей. В философском дополнительном труде к своей естествознательской работе о взаимопомощи, в «Этике» Кропоткин полностью уравнивает это понятие с понятием добровольности, как он сопоставляет понятия справедливости и равенства с понятием равноправия. С помощью этих ясных толкований довольно размытых слов «свобода» и «равенство» их ценность наполняется социальным содержимым, исчезавшим с каждым недопониманием. В то же время становится ясно, что всё время цитируемое высказывание Гёте «где есть равенство, не может быть свободы» не может выстоять при правильном рассмотрении обоих понятий. Напротив: свободу, понимаемую как добровольность всякого действия в созвучии с обществом, можно представить только там, где есть равенство, в смысле равноправия. Равноправие всех в человеческом обществе, однако, определяет единство экономических предпосылок, с которыми люди вступают в жизнь и могут развивать свои таланты и личности для собственной выгоды и на пользу обществу. Эти предпосылки кажутся возможными только при социализме, причём вопрос, следует предпочитать коллективистский или коммунистический социализм, возможно является заботой будущего, а, напротив, вывод, что это должен быть безгосударственный и безвластный социализм, есть условие общественной свободы. Гёте хотел заклеймить своим высказыванием либералистскую формулу французской революции «свобода, равенство и братство», как пусто звучащую поговорку. Если мы применяем эту формулу в смысле добровольной деятельности равноправных индивидуумов на службе взаимопомощи, то получаем социальную программу человеческого сообщества, в котором свобода является общественным принципом.

может трактоваться двояко: как «власть» и «насилие» — Прим. перев.) Неважно даже то, что начальство назначено демократическим путём, но то, что никакого начальства нет и всякая общественная функция есть функция товарищества. Демократия – это только технический способ, которым управляемые сами назначают правящих. Но демократический способ предполагает, как и всякая другая система правления, что необходимые вещи в обществе будут сделаны, только когда люди будут удерживаться в принуждении. В то же, время это предположение верно только в случае, если должна быть исполнена работа, общественной ценности которой работающий не понимает, и чей продукт достаётся не ему и не общественности, но чуждому принципу власти или прибыли.

Таким образом понятие общественной свободы почти полностью совпадает со всеобщим товариществом между всеми людьми, и тут поднимается вопрос всех вопросов: может ли, и каким образом, товарищество стать определённым двигателем общественно-полезного труда. Этим вопросом научно занимался Пётр Кропоткин в своём прекрасном труде о взаимопомощи у животных и человека и пришёл не только к утвердительному ответу на вопрос, но и к выводу, что солидарность является естественной чертой всех живых существ. Все товарищески живущие животные основывают своё совместное бытие исключительно на естественной предрасположенности к товарищескому братству, которое, как настоятельно указывает Кропоткин и подтверждает Дарвин, представляет собой форму жизни для сохранения видов, дополняющую борьбу видов между собой. Охотничьи сообщества волков, как и массовые миграции ланей в поисках плодородных жизненных пространств, являются примерами свободно организованной общественной жизни. Здесь не действует государство, т.е. никакой центральной правительственной машинерии,

бя самоопределение и ответственность, является его представлением о свободе; без этого для него не существует свободы. Однако люди зависят от своего труда, причём каждый от труда всех, все – от труда каждого. Вследствие этого, общей задачей каждого общества является решение так называемого социального вопроса, т.е. организовать работу, распределение и потребление так, чтобы труд и потребление пришли в верное соотношение с плодами земли. Под общественной свободой в общем понимается, что организация общего труда неподвластна произволу и выгоде отдельных людей, и передаётся общности производящего и потребляющего народа. Достижимо ли, и это решает, может ли состояться свобода в качестве общественного принципа, урегулирование человеческих отношений, при котором может быть осуществлён максимальный объём совместного созидания ценностей для пользы всех и при исключении личного произвола отдельных [личностей], и одновременно личность может достигнуть полного раскрытия своих способностей, полного использования своих сил, полного удовлетворения своих потребностей?

Марксистский социализм решительно подтверждает возможность решения социального вопроса, т.е. организации труда в такой форме, чтобы продукт всякого труда служил самому трудящемуся. Он выдвигает постулат, и на этом сходятся все учения социализма, об обобществлении земли и средств производства и, таким образом, об упразднении владычества над рабочей силой других людей. Без сомнения, здесь выполняется условие свободы не только коллективной, но и индивидуальной. Но марксизм ограничивается требованием экономического уравнения людей. Хотя Маркс и Энгельс, за которыми в этом следует и Ленин, устанавливают конечной целью и, как последствие социализированной экономики, преодоление государства и установление свободного

коммунизма, в соответствии с которым каждый должен производить по своим способностям, каждый потреблять по своей потребности, но освободительное установление целей у них нигде не выходит за гипотетические указания. Их теории исчерпываются экономическими анализами существующей формы производства и той, к которой надо стремиться, и не оставляют описанию свободы, как основной черты общества, практически никакого места.

Несоциалистические общественные учения, если вообще отводят слову «свобода» более высокий смысл, чем рекламному лозунгу, исходят от известного положения мальтузианского закона, что продукция земли не может держать шага с увеличением населения, и поэтому полное наслаждение жизнью, по природной необходимости, принадлежит привилегированной прослойке. Это высказывание Мальтуса так часто и так основательно было опровергнуто, обесценено практически методами культивации интенсивного сельского хозяйства настолько, что от него почти ничего не осталось, кроме формулы либералистского капитализма о свободной игре сил. Разумеется, понятие общественной свободы не находит здесь, где имеется в виду только безоглядная конкуренция между привилегированными собственниками, никакого применения, и даже там, где требование свободы идентифицируется с национальным, расовым, конфессиональным или государственным эгоизмом. Наличие власти какого-либо сорта, в виде ли экономического преимущества, в форме ли политического начальства или ещё каких-нибудь привилегий, довольно плохо совмещается с идеей общественной свободы, и свобода, которая предоставляет как индивидууму его независимость, так и целому – возможности для развития, не может состояться там, где существуют навязанные обязательная служба, авторитет, правительство и государство. Если либерализм и не хочет предоставить государству вмешательства в самоопределение экономики и называет отстранение политического начальства от конкурентной борьбы в экономике именем свободы, то это учение подразумевает одновременно и подчинение работы имуществу; и если государственный социализм, напротив, желает сделать закон правящих органов регулятором хозяйства и отношений людей друг с другом, то он удаляет индивидуум из установления собственных форм жизни. Понятие общественной свободы неприменимо ни в одном из этих случаев.

Основное заблуждение всех учений, полагающих, что [они] могут развивать свободу при сохранении авторитарного принципа, заключается в подмене понятий «правление» и «управление». Что является важным при организации общества заново в духе свободы, связал Михаил Бакунин в ясной форме: не править людьми, но управлять вещами! Задачей тех, кто хочет поднять свободу до общественного принципа, заключается, следовательно, в том, чтобы сделать совместное хозяйствование нуждающихся друг в друге людей из обязанности подчинения полученным приказам – исполнением товарищеской службы на основе взаимности. Ничто не вывернуто так наизнанку, как мнение, что человек работает только под плетью командного насилия. Напротив: нежелание работать, которое часто принимается за данное судьбой человеческое качество, находит свою единственную причину в чувстве, что выполняешь работу под давлением правящих приказчиков. Там, где живо сознание, что быть человеком значит быть товарищем, и что товарищество так же необходимо для удовлетворения жизненных потребностей, как и для наслаждения работою и терпения несчастья, там не может иметь места мысль, уповающая в производстве пищи, одежды, крова на начальственный принцип и надзирающую дисциплинарную власть (немецкое слово Gewalt